

ВАЛЬД ВЕГЕРОД

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вальд Вегерод

Тихая заводь

<https://litres.ru/74280982>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой - Миша - мальчик подросток вместе со своей бабушкой вынуждены бежать из города в старую, полузаброшенную деревню, застрявшую в вечном тумане. Заселившись в дом мальчик начинает понимать, что деревня не так проста и, что за развалившимися домами скрывается нечто поистине жуткое.

Содержание

Глава Первая : Заводь встречает.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вальд Вегерод

Тихая заводь

Глава Первая : Заводь встречает.

Автобус проехал настолько быстро, что затонувшую в молочном тумане табличку с названием поселка неудалось разглядеть. Почти с самого съезда на эту убитую временем дорогу - туман не отступал от окон Пазика, казалось, он поглотил весь мир вокруг.

Омутная Заводь. - Сказала бабушка, будто прочитав его немой вопрос. - Я же тебе вчера вечером рассказывала, ты не слушал меня, Миша?

Он её действительно не слушал, после случившегося неделю назад голова была пуста и реальность будто отошла на второй план, покрылась этим злополучным туманом. А от раннего подъема голова почти не работала.

Автобус остановился на небольшой площади, за пределами которой еле-еле проглядывались дома, которые больше напоминали холмы. Проходя к выходу, Миша краем уха слышал знакомы, пропитой, почти родной голос - Ельцин, который шел из небольшого радио. Но понять, что говорит президент он не успел, бабушка осторожно подпихнула, почти выталкивая из автобуса, будто сзади была большая оче-

редь. Но нет, стоило им выйти - перед носом закрылись двери, и ржавая консервная банка умчалась, растворившись в мгле. На площади остались только они и покосившийся Ленин, одиноко стоящий по центру. Светлая, коммунистическая мечта не спасла это место, если вообще добралась.

Пойдем, Мишенька, нам туда. - Старушка показала на узкую тропинку, которая петляла между лысых кустов и редких домов.

Взяв сумки по удобнее, Миша пошел за ней, и пелена поглотила их. Видимость была десяток метро не больше, но не это пугало парня, а гул. Его было тяжело описать, почти невозможно. Постоянная, неменяющиеся, тихая вибрация в воздухе, не похожая на гудение трактора или какого-то механизма. И это чувство постоянного наблюдения, паранойя появилась, когда умер отец и его коллеги или друзья с мертвыми глазами и холодными голосами начали звонить на домашний или приходить домой. Бабушка называла их бандитами, что было, возможно, правдой.

Проводя взглядом по пустым, покореженным домам, темным окнам, покрытые пылью и паутиной с внутренней стороны. Под ногами хрустел слой инея, который заменял снег, который давно должен был выпасть. Кваем глаза он заметил что-то в окне. Нечто необъяснимое, невозможное, нечеловеческое, но стоило направить прямой взгляд на окно, как это нечто оказалось обычной шторой. Но в голове отпечатался

другой образ. Бледное, как кость сгнившего трупа в могиле бесполое лицо ребенка, огромные, слишком большие для человеческого лица совиные глаза и рот открытый в безмолвном крике миллионов страдающих душ

-Пришли, Мишенька, это наш новый дом. - резко сказала бабушка, остановившись и показывая рукой на хибару в конце деревни около небольшой поляны за, которой возвышались темные стволы вековых сосен

Назвать его новым язык не поворачивался, может лет пятьдесят он таким и был, но не сейчас. Двухэтажный дом с покосившимся крыльцом и тьмой за окнами. Бабушка достала ключ и провернула его в замочной скважине, дверь со скрипом, но поддалась, выпуская из дома запах затхлости и плесени.

"Ты пойдй комнату выбери, только недолго. А потом спускайся, надо убратсь здесь. - сказала бабушка, идя в сторону, судя по всему, кухни.

Дом оказался намного больше, чем думал Миша. Да, некоторые комнаты не были пригодны для жизни, но одну он все же нашел. Небольшая, по меркам всех остальных, но была заставлена письменным столом, шкафом для одежды, парочкой целых тумбочек и кроватью напротив окна. Она сразу показалось уютной, и он решил в ней остаться.

Раскладывая вещи, его взгляд привлек небольшой объект на подоконнике, подойдя ближе Миша понял, что это деревянная фигурка зайца, такие он видел в музеи, но этот отли-

чался. Он стоял на задних лапах, руки, или передние лапы, были уперты в бока, уши прямые, смотрящие вверх и глаза... Две выжженных точки чернели на их месте, которые. Кажется, смотрели прямо в душу. Взяв фигурку в руку, он почувствовал, что она теплая, будто её кто-то недавно держала в руках. Этого не могло быть.

Мишенька! Помоги мне на кухне.

Голос бабушки с первого этажа вырвал его из глубины мыслей и поставив фигурку на место откуда взяв, он вышел с комнаты.

Остаток дня прошел в пыли вместе с тряпкой. За годы заброшенности в нем скопилось тонны пыли, паутины и прочего хлама, который за вечер перекочевал на ближайшую мусорку. Но помимо грязи было и пару хороших вещей: рабочий телевизор с видиком, работало всего пару каналов, но это не было проблемой, а, так же рабочая плита. Побег был не внезапным, бабушка готовилась.

Она работала молча, сосредоточено, изредка крикая от натуги. Он старался помогать изо всех сил, но к вечеру руки болели, а в голове шумело от пыли, духоты, и усталости, конечно. За окном туман сгустился еще сильнее, превращая вечер в непроглядную серую пелену. Огоньки в редких окнах соседних домов совсем померкли, превратившись в бледные пятна, почти неразличимые в плотной мгле.

Когда последние лучи декабрьского солнца окончательно скрылись за пеленой тумана, и в доме стало совсем темно, бабушка наконец выпрямилась.

Ну вот, Мишенька, самое основное убрали. Теперь чайку попьем, погреемся. - сказала она, потирая поясницу.

Она сели за стол на кухне, которая теперь казалась чуть лучше других комнат. Запах старья сменился теплым ароматом свежесваренного чая. Бабушка достала из сумки пачку сушек и поставила их на стол. На кухне было уютнее, чем в остальных комнатах, благодаря теплу и свету от лампочки. Но даже здесь Миша чувствовал этот гул, он пронизывал стены, пол, казалось, исходил из самого фундамента.

Он отхлебнул горячий чай, он приятно обжег горло. - Бабушка- начал Миша, но остановился, чтобы собрать свои мысли в кучу- а здесь давно никто не жил? И.. ты знаешь, что это за фигурка зайца на подоконнике в моей комнате? И.... что это за гул?

Бабушка посмотрела на меня поверх кружки, ее взгляд был усталым, но пронизательным. - Давно, Мишенька. Долгие годы никто не жил. Дом стоял пустым. А насчет зайца...- она помедлила, отводя взгляд к окну, где туман был так плотен, что казалось, можно потрогать рукой. - Зайцы здесь водились, особенно раньше, я не застала тех времен. Их тут много было. А гул... ветер в шахтах, наверное. Здесь всегда ветрено.

Миша знал, что это не ветер. Он завывает, шумит, а это был постоянный, ровный гул, без завываний. И он не был похож на то, что обычно издает земля. Но спорить с бабушкой он не стал. Она и так пережила много.

А дети здесь есть? - спросил он, вспомнив бледной лицо в окне, вряд ли это было чем-то большим чем воображением. - В соседнем доме я видел...

Бабушка поставила кружку на стол. Ее взгляд стал серьезным. - Дети...да, есть. Но они по домам сидят. Зима. Холодно. И.... - она сделала паузу, словно взвешивая слова. - Говорят, что не стоит по Заводи одному ходить, особенно детям и зимой.

Почему? - спросил он, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

Бабушка вздохнула. - Потому что...- она понизила голос, хотя вокруг не было ни души, - потому что в Заводи пропадают. Дети. В конце восьмидесятых несколько мальчишек исчезло. А потом и.... не так давно... в прошлом году, кажется, одна девочка пропала. Никто не знает куда. Милиция приезжала, искали, но так ничего и не нашли. Лес большой, болота глубокие... Здесь такое бывает.

Холод пробежал по спине, и это был не холод от зимнего воздуха. Гул в воздухе будто усилился, а за окном, в непроглядной тьме показалось. Что что-то мелькнуло. Тень. Слишком высока для зайца. Миша вздрогнул, но тут же одернул себя. Наверное, просто усталость. Слишком много

новых впечатлений, слишком много жутких историй за один вечер. Конечно, мозг начинает подкидывать всякие галлюцинации.

Они допили чай в тишине. Бабушка, похоже, тоже не хотела развивать эту тему дальше. Она смотрела в свою кружку, погруженная в свои мысли.

Вскоре они закончили, Бабушка проверила, закрыты ли все ставни, и входная дверью щеколды скрипели и заедали, но в итоге все было заперто наглухо. Она дала мне старую керосиновую лампу - электричество здесь подавалось с перебоями, и такие лампы, наверно были в каждом доме. Тусклый желтый свет выхватывал из темноты лишь самые ближние предметы, отбрасывая причудливые тени.

Он поднялся в свою новую комнату. Рюкзак лежал на кровати, почти неразобранный. Парень скинул с себя уличную одежду, натянул спортивные штаны и старую футболку. Ложиться на кровать, где несколько лет никто не спал, было немного жутко, но выбирать не приходилось. Из-под подушки он нащупал деревянную фигурку зайца. Миша не помнил, чтобы клал ее туда. Наверное, просто передвинул, когда разбирал вещи.

После чего погасил лампу. Комната погрузилась в полную темноту. Лишь слабый отблеск ночного неба пробивался сквозь неплотно прикрытые шторы, рисуя на стене размытые пятна. Гул. Он никуда не делся. Теперь, когда стало тихо он слышался отчетливее. Он был низким, монотонным,

словно земля тяжело вздыхала, или что-то огромное двигалось где-то вдали. Или это всего лишь кровь стучит в висках?

Миша лежал, завернувшись в старое одеяло, и пытался уснуть. Но сон не шел. Он прислушивался. К каждому шороху, к каждому скрипу старого дома. Казалось, что он слышит шаги - легкие, быстрые, словно кто-то бежит по крыше. Иногда они замолкали, а потом вновь начинались, ближе к комнате, а затем удалялись.

Он закрыл глаза, пытаясь убедить себя, что это просто мыши. Старый дом, деревня, мыши - обычное дело. Но в глубине души знал, что это не мыши. Их движения были слишком... осмысленными и тяжелыми для грызунов.

За окном, в тумане, послышался едва уловимый звук. Что-то вроде шепота, но очень далекого, искаженного расстоянием и плотной пеленой. Или это ветер играет со старыми деревьями. Только гул и эти странные шорохи.

Миша не мог больше просто лежать. Любопытство, смешанное со страхом, было сильнее. Осторожно, чтобы не разбудить бабушку, сполз с кровати. Пол под ногами был ледяным, а каждый скрип доски отзывался эхом в ночной тишине. На цыпочках подошел к окну. Сквозь неплотно прикрытые шторы пробивался лишь еле заметное пятно света, давая понять, что на улице полная темнота.

Он осторожно приоткрыл шторы, стараясь не зашуршать ими. За стеклом не было видно почти ничего, Густой, молочный туман обволакивал все вокруг, поглощая свет и звук. Ка-

залось, за окном нет ничего, кроме бесконечной серой пустоты. Тем не менее, парень чувствовал присутствие. Это было странное, тяжелое ощущение, словно в тумане что-то таилось, чего человеческий глаз не мог видеть.

Прижавшись лицом к холодному стеклу, он напряженно вглядывался в темноту. И снова услышал. Едва уловимый, далекий шепот, неразборчивый, но явно не принадлежащий ветру. Он был похож на множество голосов, сливавшихся в один тихий, зловещий хор, который не доносился до него, а, казалось, звучал внутри головы.

И вдруг... В самой гуще тумана, прямо напротив окна, что-то мелькнуло. Неясная, расплывчатая тень. Она была слишком большой для животного, слишком быстрая для человека и слишком скрюченная для чего-то живого. Она появилась на долю секунды, исказилась, словно мираж, и исчезла. Никаких очертаний, никаких деталей - просто движение там, где его не может быть.

Сердце заколотилось как сумасшедшее. Это не был ветер. Это не была усталость. Он видел это. Что-то было там, в тумане, наблюдало за домом, возможно, за ним.

Миша отпрянул от окна, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Вернувшись к кровати, он лег на нее и на удивление уснул, слишком быстро для момента после такого.

Парень проснулся от слабого, но настойчивого света, пробивающегося сквозь шторы. Комната уже не казалась такой мрачной, как ночью. Туман за окном немного рассеялся, и

сквозь него виднелись очертания деревьев, покрытых инеем. Небо было серым, но светлым, предвещая, что день будет пасмурным, но хотя бы не таким непроглядным, как вчера.

Он сел на кровать, потирая глаза. Дрожь в теле прошла, но осталось ощущение тяжести и тревоги. Голова была немного мутной, словно совсем не спал.

Миша опустил глаза. Деревянный заяц. Он лежал не в его руке, а прямо рядом с головой. Ночью он был уверен, что держал его. Может, просто выронил во сне. Но его глаза... показалось, или они стали еще темнее?

Встав и потянувшись. И вышел из комнаты. Бабушка уже была на кухне. Запах чая и свежее испеченного хлеба, и откуда она его взяла, напомнил дом. На мгновение показалось, что вчерашние кошмары - всего лишь плод воображения.

С добрым утром, Мишенька! - сказала бабушка, улыбаясь - Ну как тебе спалось? Завтрак готов.

Миша сел за стол. Запах хлеба был реальным, теплым, домашним. Он чуть рассеял остатки ночной тревоги. Бабушка поставила передо мной кружку с чаем и тарелку с кашей.

Пока ты спал, я сходила в местную школу. - сообщила она, наливая себе чай - Поговорила с директором. С завтрашнего дня пойдешь учиться. Нечего тебе без дела сидеть. И друзей заведешь.

Эта новость застала врасплох. Школа. Местная. Здесь, в Омутной Заводи, и где за окном мерещатся тени. С одной стороны, это была возможность отвлечься от гнетущей атмо-

сферы дома и, возможно, узнать что-то новое об этом месте. С другой — это значит снова выйти в этот туман, встретиться с незнакомыми людьми, и кто знает, что еще ждет там.

Хорошо, бабушка, - сказал Миша, стараясь говорить спокойно, - я пойду.

Бабушка облегченно улыбнулась. — Вот и славно! А то я уж думала, что ты совсем отупеешь здесь один. Мы сейчас поедем, а потом сходим на рынок, посмотрим, что тебе из тетрадок, да ручек нужно.

День прошел в хлопотах. После завтрака они действительно пошли в единственный рынок, на котором продавали все: от хлеба до школьных принадлежностей. По дороге к лавке туман был все так же плотен, а гул - постоянным фоном, но дневной свет немного приглушал их зловещее воздействие. Люди, которых Миша встречал, были немногословны, но вежливы. Никаких бледных лиц в окнах, никаких жутких теней. Может, он действительно просто переутомился вчера.

Они купили пару тетрадей, карандаши и ручку. Вечером снова пили чай, но уже без пугающих разговоров. Бабушка рассказывала о своей молодости, о том, как здесь жила раньше, до того, как переехала. О переменах она говорила уклончиво, словно не хотела вдаваться в детали, но Миша чувствовал, что за этими словами скрывается что-то важное.

Ночь наступила быстро. Он лег спать, уставший, но уже не такой напуганный. Деревянный заяц лежал на подоконнике, где я его оставил. Парень старался не смотреть на него. Гул

все еще был здесь, но он почти привык к нему. Как к шуму холодильника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.